

«ЗАДОНЩИНА» И «ПОВЕСТЬ О РАЗОРЕНИИ РЯЗАНИ БАТЫЕМ»

В литературе о «Задонщине» было высказано предположение, что в этом произведении отсутствуют книжные влияния и что оно целиком обязано своим происхождением фольклору. Эта точка зрения наиболее подробно обоснована А. И. Никифоровым в докторской диссертации «Слово о полку Игореве — былина XII века»¹ и поддержана С. Н. Азбелевым, повторившим многие из материалов, приведенных А. И. Никифоровым. Однако, если А. И. Никифоров не отрицал влияния на «Задонщину» «Слова о полку Игореве», которое он признавал также фольклорным произведением, то С. Н. Азбелев замалчивает влияние «Слова» на «Задонщину», примыкая в этом отношении к точке зрения скептиков на взаимоотношение обоих произведений.² Между тем «Задонщина» явно испытала на себе влияние письменных памятников: во-первых, влияние деловых документов, которое чувствуется во всех списках,³ а во-вторых, влияние «Слова о гибели Русской земли» (что уже отмечалось для списка *К-Б* в литературе) и «Повести о разорении Рязани Батыем», которое до сих пор исследователями отмечено не было.

Влияние «Повести о разорении Рязани Батыем» на «Задонщину» оправдывается в ней словами крымских фрягов, которые говорят в списке *И-1* бегущему к ним Мамаю: «. . . а не быти тебѣ в Батыя ц[а]ря». События рязанского разорения противостоят событиям «Задонщины» и в известной мере аналогичны и параллельны основному противопоставлению «Слово о полку Игореве» — «Задонщина». Однако в литературном отношении «Слово о полку Игореве» и «Повесть о разорении Рязани Батыем» влияют на «Задонщину» различно. «Задонщина» заимствует из «Слова» образы и формулы: всю, так сказать, словесную орнаментику. Из «Повести о разорении Рязани Батыем» «Задонщина» берет главным образом этикетную последовательность повествования и в гораздо меньшей мере следует ее лексике и образам.

¹ РО ИРЛИ, р. V, колл. 120, п. 4.

² См.: Азбелев С. Н. Куликовская битва в славянском фольклоре. — В кн.: Русский фольклор. М.; Л., 1968, т. 11, с. 78 и след. Ср. также: Азбелев С. Н. Устные героические сказания о Куликовской битве. — В кн.: Современные проблемы фольклора. Вологда, 1971, с. 35—48. С. Н. Азбелев неправомерно отождествляет тех исследователей, которые считали «Задонщину» фольклорным произведением, и тех, кто говорил о влиянии фольклора на «Задонщину», а также фольклорность «Задонщины» с устным происхождением ее списков (в частности, В. Ф. Ржига и В. П. Адрианова-Перетц объясняли неустойчивость текста «Задонщины» в отдельных ее списках тем, что писцы их писали текст по памяти).

³ См. об этом: Лихачев Д. С. Черты подражательности «Задонщины». — Русская литература, 1964, № 3, с. 87—95. Списки «Задонщины» обозначаются в дальнейшем: *К-Б* — ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 9/1086; *И-1* — ГИМ, № 2060; *И-2* — ГИМ, № 3045; *У* — ГБЛ, собр. Ундольского, № 632; *С* — ГИМ, Синодальное собр., № 790.

В тех списках «Повести», которые были известны автору «Задонщины», ей предшествовала, по-видимому, «Похвала роду рязанских князей»,⁴ элементы которой отразились в начальной части «Задонщины» — в похвале великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его князю Владимиру Андреевичу.

Обратимся к рассмотрению конкретных примеров влияния «Повести о разорении Рязани Батыем» на «Задонщину».⁵

В начале «Задонщины» видим отдаленно сходные мотивы с «Похвалой роду рязанских князей».

В «Похвале»: «Сии бо государи рода Владимира Святославича — сродника Борису и Глебу, внучата великаго князя Святослава Олговича Черниговьского» (с. 300). В «Задонщине» этому соответствует: «а внуки с[вя]таго великаго кн[я]зя Владимира Киевскаго» (У); «правнука с[вя]т[о]го великог[о] кн[я]зя Владимира Киевскаго» (И-1).

Фразеология «Похвалы роду рязанских князей» звучит в «Задонщине» и несколько ниже — там, где Андрей Брянский обращается к Дмитрию Волынскому: «. . .сами есмо себе два браты, с[ы]нов есмо Алгыродовы, а внучата есмо Гедымонтавы» (С); и там, где Дмитрий Иванович обращается к Владимиру Андреевичу: «. . .сами есми, а внуки великаго кн[я]зя Владимира Киевскаго» (У).

Первый эпизод «Повести о разорении Рязани Батыем» (с него и начинается ряд событий, которым она посвящена) — это приход Батыея на р. Воронеж: «. . .прииде безбожный царь Батый на Русскую землю со множеством вой татарскими, и ста на реце на Воронеже близ Рязанския земли» (с. 287).

В «Задонщине» этому эпизоду соответствует приход Мамай «на реку на Мечу». В списке У этот эпизод отражен в словах русских князей, съехавшихся «к славному граду Москвѣ»: «. . .У Дуная стоят татаровя поганые, и Момай ц[а]рь на реки на Мечи, между Чюровым и Михайловым, брѣсти хотят, а предати живот свои нашей славѣ» (У). Ср. в списке И-1: «. . .У Дону стоят татарове поганьи Мамай на рѣчкы на Мечи, хотят брести и живот свои предати нашей славѣ» (И-1). В списке К-Б эти слова сокращены: «. . .уже поганьи татарове. . . стоятъ межю Дономъ и Днѣпромъ, на рицѣ на Чечѣ». В списке С слова эти переданы полнее: «. . .У Дону великого стоят татарове поганьи цар[ь] Мамай на реце Мечне, межю Чудовым и Михайловым, хотят брести к нам и предати живот свои на смерть нашей славе». Затем список повторяется уже в авторском повествовании: «И притѣкоша сѣрые

⁴ В списках «Повести о разорении Рязани Батыем» «Похвала роду рязанских князей» располагается различно: либо в начале ее, либо в конце (см. текст: Л и х а ч е в Д. С. Повести о Николе Зараском. — ТОДРЛ, М.; Л., 1949, т. 7, с. 257—406).

⁵ Тексты «Задонщины» приводятся по изданию их в сб.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966, с. 535—556 (указывается только шифр списка). Тексты «Повести о разорении Рязани Батыем» приводятся по изданию: Л и х а ч е в Д. С. Повести о Николе Зараском. . . (в скобках указываются страницы по этому изданию).

волцы от усть Дону и Непра и ставши воют на рекъ, хотят на Мѣчи поступити в Рускую землю» (У). Ср. в списке И-1: «И притекоша сѣрые волцы от усть Дону и Непра, ставъши воюют на рецы на Мечи, хотят наступати на Рускую землю». Ср. в списке С: «Притекоша ярия волцы но вусти Дона и Непра, ставши выют но реце но Мечи, хотят поити на Рускую землю».

Победная часть Куликовской битвы содержит в «Задонщине» реминисценции из рассказа «Повести о разорении Рязани Батыем» о Евпатии Коловрате. Это первое в русской литературе отражение рассказа.

Как в свое время было мною установлено, «Повесть о разорении Рязани Батыем» отразилась в ряде произведений русской литературы конца XIV—начала XV в. — летописном рассказе о нашествии хана Тохтамыша на Москву в 1382 г., в «Слове о царе русском Дмитрие Ивановиче» и др. Но во всех этих произведениях конца XIV—начала XV в. отражалась «Повесть» без рассказа о Евпатии Коловрате, что, возможно, свидетельствовало о его более поздней вставке в «Повесть».⁶ Однако в «Задонщине» в повествовании о победе русских имеются реминисценции как раз из рассказа о Евпатии, и это, по-видимому, наиболее раннее свидетельство о наличии этого рассказа в «Повести».

В «Повести о разорении Рязани Батыем» неоднократно говорится об общей смертной чаше, которую призывают друг друга испить русские князья: «Се бо я, брат ваш, напред вас изопью чашу смертную за святых божия церкви, и за веру христьянскую, и за очину отца нашего великаго князя Ингоря Святославича» (с. 290); «О братие моя милая! Князь Давид, брат наш, наперед нас чашу испил, а мы ли сея чаши не пьем!» (с. 290); «Все равно умроша и едину чашу смертную пиша» (с. 291); Олег Ингоревич «испи чашу смертную своею братею ровно» (с. 291); «Все равно умроша и едину чашу смертную пиша» (с. 292) и др. Ср. в «Задонщине» в списке У в словах Дмитрия Ивановича, обращенных к Владимиру Андреевичу: «Брате князь Владимир Андрѣевичь, тут, брате, испити мѣдвяна чара, наеждаем, брате, своими полки сильными на рать татаръ поганых».

Далее, в «Повести о разорении Рязани Батыем» говорится о Евпатии: «. . . и собра мало дружины. . . и погнаша во вслед безбожного царя. . . и внезапно нападоша на станы Батыевы. И начаша сечи без милости, и сметоша яко все [смятошася] полки татарския» (с. 293). В «Задонщине» этому соответствует: «Тогда ки[я]зь великий Дмитриеи Ивановичь и брат его ки[я]зь Владимирь Андрѣевичь полки поганых вспять поворотили и нача ихъ, бурсорманов, бити и сечи горазно без милости» (У).

В списке И-1: «Тогда ки[я]зь великий поганых назадъ победилъ и поворотил гораздо на нихъ и бьетъ горко, тоску имъ по-

⁶ См. об этом: Л и х а ч е в Д. С. Литературная судьба «Повести о разорении Рязани Батыем» в первой четверти XV века. — В кн.: Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961, с. 9—22.

даваше». В списке *И-2*: «Тогда кн[я]зь вел[и]кий Дмитрии Иванович и брат ег[о] Володимеру Андрѣевич полки поганых въспят[ь] побѣдих и гораздо на них поворотилъ и нач[а] их бити гораздо, тоску им подаваше».

В списке *С* имеются и другие реминисценции из рассказа о Евпатии Коловрате: «И погнаше руския с[ы]нове вослед поганых татар, и победивше много множества поганых татар. . .». Из той же «Повести» идет, по-видимому, только в этом списке встречающееся слово «удальцы»: «Иныя многия русия вдал[ь]ци, князи, и бояре, и боярския дети. . .». Ср. в «Повести»: «И многие князи месныа, и бояре, воеводи, и все воинство, и удалци и резвцы, узорочие резанское» (с. 297).

В том же рассказе о Евпатии Коловрате имеется следующая фраза: «Еупатии сильныа полкы татарьскыя проеждяя» (с. 293). Этой фразе в «Задонщине» соответствует: «И рече: Брате княз[ь] Владимир Андрѣевичь тут, брате, испити мѣдвяна чара, паеждяем, брате, своими полки сильными на рать татарь поганых» (У).

В рассказе о Евпатии говорится далее: «И начала сечи без милости» (с. 293). Ср. в «Задонщине»: «И нача ихъ бусорманов бити и сечи горазно без милости» (У).

Имеет «Задонщина» соответствия и плачу Ингваря Ингоревича в «Повести о разорении Рязани Батыем». В «Повести»: «Великий князь Ингварь Ингоревич возде руже на небо со слезами возва. . .» (с. 299). Ср. в «Задонщине»: «И помолися б[о]гу и преч[и]стои его м[а]тери и всѣм с[вя]тым его и прослезися горко и утер слезы» (У). Имеются соответствия между окончаниями обоих произведений. В «Повести о разорении Рязани»: «Ингварь Ингоревич возде руже на небо со слезами возва, глаголаша: Господи боже мой, на тя уповах, спаси мя. . .» (с. 299). Ср. в «Задонщине»: «Рече княз[ь] великий: Г[оспод]и б[ож]е мой, на тя уповах, да на постыжус[я] в векъ, на посмѣють ми ся врази мои мнѣ. И помоляс[я] б[о]гу и с[вя]тѣи б[огороди]ци и всѣмъ с[вя]тымъ, и прослезися горко и утер слезы» (И-1).

«Реч[е] кн[я]зь великий Дмитрѣи Иванович: Г[оспод]и б[ож]е мой, на тя уповах, да не постыжус[я] в вѣки, ни да посмѣють ми с[я] врази твои мнѣ. И помоляс[я] б[о]гу и пр[е]ч[и]стѣи его м[а]т[е]ри б[ож]и и всѣмъ с[вя]т[ы]мъ» (И-2). Далее, в «Повести о разорении Рязани» читается: «И похраняше князь Ингварь Ингоревич, и поиде ко граду Пронску» (с. 299); «Благоверный во святом крещении Козма сяде на столе отца своего великого князя Ингоря Святославича. И обнови землю Резаньскую, и церкви постави, и монастыри согради, и пришельцы утеша, и люди собра» (с. 301).

В «Задонщине» в окончании списка У Дмитрий Иванович говорит: «И поидем, брате, кн[я]зь Владимир Андрѣевич во свою Залескую землю к славному граду Москве и сядем, брате, на своем кн[я]женне, а ч[е]сти есми, брате, добыли и славног[о] имени. Б[о]гу нашему слава» (У). Как бы ни был ничтожен сам по себе каждый из приводимых нами примеров влияния «Повести

о разорении Рязани Батыем» на «Задонщину», в своей совокупности они бесспорно свидетельствуют о том, что автор «Задонщины» знал «Повесть». Характерно при этом, что влияние «Повести» сказывается во всех списках «Задонщины», иными словами — оно присутствовало уже в архетипе «Задонщины».

Важно также отметить, что ни один случай этого влияния не имеет каких-либо соответствий в «Слове о полку Игореве». Это с несомненностью доказывает, что «Слово о полку Игореве» предшествовало «Задонщине», а не «Задонщина» — «Слову», ибо невозможно себе представить, чтобы «Слово» в последнем случае могло с такой последовательностью освободиться от всех элементов «Повести о разорении Рязани Батыем». Если же «Задонщина» следовала за «Словом», то одновременно она могла испытать влияние и «Повести о разорении Рязани Батыем», и делопроизводственного языка, а один из ее списков (*К-Б*) — также и «Слова о гибели Русской земли».

Следы знакомства автора «Задонщины» с «Повестью о разорении Рязани Батыем» еще раз доказывают необратимость влияния «Слова о полку Игореве» на «Задонщину».